

Адъективный предикат «плохой/хороший» при местоимении Я

Елена Валерьевна Маркасова

Пекинский университет, Пекин, КНР
Контакт для переписки: markasovaelena@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается один из типов наполнения конструкции «Я + адъективный предикат» в русском языке. Оценочная составляющая в адъективном предикате отражает нестабильность самоидентификации («Я» для себя) и самопрезентации («Я» для других). Состав прилагательных в этой конструкции является важным источником информации об исторических изменениях в восприятии «Я». На примере пары «Я хороший» — «Я плохой» рассматривается возможность снятия ограничения на негативную характеристику собственного «Я». Оба адъектива могут функционировать как обозначение положительной или отрицательной оценки своего «Я», причем эта оценка может быть использована в манипулятивных целях. На основе корпусных данных выявлена цикличность наполнения фрейма автохарактеристики оценочными прилагательными. Динамика каждого варианта наполнения фрейма представляет собой сложную кривую.

Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября, 2023 г., Тюмень, Россия).

Ключевые слова: местоимение «я», имя прилагательное, прагматика, субъективная модальность, персональная идентичность, диахроническая психология, речевое манипулирование

Благодарности: За помощь в статистической обработке материала автор благодарит независимого исследователя В. И. Бескровных (Штутгарт, Германия)

Цитирование: Маркасова Е. В. 2023. Адъективный предикат «плохой/хороший» при местоимении Я // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 4 (36). С. 23–35. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-23-35>

Поступила 20.10.2023; одобрена 19.11.2023; принята 19.11.2023

Adjectival predicate “bad/good” with the pronoun I

Elena V. Markasova

Peking University, Beijing, China
Corresponding author markasovaelena@yandex.ru

Abstract. This article explores one type of construction in the Russian language, specifically the “I + adjectival predicate” structure. The adjectival predicate in this construction reflects the instability of self-identification and self-presentation. The composition of adjectives in this construction provides valuable insights into historical changes in self-perception. Using the examples “I am good” and “I am bad”, we examine the possibility of removing the restriction on negative self-characterization. Both adjectives can convey positive or negative evaluations of oneself, and these evaluations can be used for manipulative purposes. Through corpus data analysis, we uncover the cyclical nature of filling the frame of autocharacterization with evaluative adjectives. The dynamics of each variant of filling the frame is complex and follows a non-linear curve.

This article is based on a paper presented at the 7th International Research Symposium “Russian Grammar: Constants, Contexts, Perspectives” (October 10–14, 2023, Tyumen, Russia).

Key words: pronoun “Ya” (I), adjective, pragmatics, subjective modality, personal identity, diachronic psychology, speech manipulation

Acknowledgments: The author would like to thank the independent researcher V. I. Beskrovnykh (Stuttgart, Germany) for their assistance in the statistical processing of the material.

Citation: Markasova, E. V. (2023). Adjectival predicate “bad/good” with the pronoun I. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(4), 23–35. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-23-35>

Received Oct. 20, 2023; Reviewed Nov. 19, 2023; Accepted Nov. 19, 2023

Введение

Работы Е. В. Падучевой, Ю. Д. Апресяна и Е. М. Вольф [Падучева, Зализняк, 1982; Падучева, 1985; Вольф, 1985; Вольф, 1986; Апресян, 1992], посвященные ограничениям на предикат, в свое время сформировали новый взгляд на проблему наполнения синтаксических конструкций с местоимением Я.

Были названы два важных фактора: фактор ограничения на негативные коннотации при автохарактеристике [Вольф, 1982, с. 43; Вольф, 1985] и фактор наблюдателя. Е. В. Па-

дучева, рассматривая прилагательное *мрачный*, пишет, что *Она сегодня мрачная* возможно, а *Я сегодня мрачная* выглядит странно. В ряде канонических речевых ситуаций «говорящий выполняет роль Наблюдателя, он не может одновременно быть объектом наблюдения (своего же, причём издали)», однако в контексте нарратива или в гипотаксическом контексте ограничения могут сниматься [Падучева, Зализняк, 1982; Падучева, 1985, с. 136–142].

Приписывание свойств оцениваемому объекту может быть обусловлено рядом обстоятельств, но главное из них — система представлений оценивающего субъекта [Вольф, 2002; Золян, 2022]. В случае с местоимением *Я*, характеризуя себя, человек становится одновременно субъектом и объектом и оказывается в тяжелой ситуации противостояния языковым традициям ограничения на предикат.

Цель нашей работы — выяснить, как в русском языке функционирует конструкция «я хороший/плохой». Выбор именно этих двух прилагательных обусловлен тем, что их можно считать относительно чистой антитезой по признаку «+» и «-». Это позволяет использовать пару в качестве пробного камня для проверки и детализации тезиса об ограничении предиката при местоимении *Я* на отрицательную автохарактеристику. Оба прилагательных, на наш взгляд, предполагают наблюдение со стороны. Значит, на этом материале можно проверить и действие второго фактора. Всего на основе НКРЯ было составлено 4 выборки: *я плохой (плохая)*, *я хороший (хорошая)*. Материал для сопоставления взят из статьи [Маркасова, 2023].

Результаты и обсуждение

Общие сведения об истории конструкции

В XVIII–XIX вв. происходит

«сложный процесс, в котором объективное (пространственное и социальное) обособление индивида и рост его социальной самостоятельности сочетались с повышением психологической ценности «Я», интимизацией и усложнением внутреннего мира личности». [Кон, 1984, с. 97].

Этот процесс происходил в одно время с формированием понятия «личность» в русском языке (в конце первой трети XIX в.) [Виноградов, 1999, с. 273]. Усложнение представлений о внутреннем мире подталкивает человека к поиску определения своих состояний, к признанию непостоянства собственных качеств. Это обновление внутреннего мира отразилось в моделях самопрезентации и самоидентификации [Маркасова, 2023]. Усиление интереса к собственной идентичности психологи связывают с «потребностью в позитивном самоуважении» [Иванова, 2004].

Хронологические рамки исследования — 1700–2000 гг. Поиск в НКРЯ производился по формуле: «я (SPRO, ном, sg, 1p) + _ (A, ном, sg, (m|f))». В результате рассмотрения более 20 тыс. вхождений создана выборка из 4 198 примеров. 80 прилагательных в функции предиката при местоимении *Я* составляют основу лексического наполнения этой конструкции: они повторяются от 10 до 126 раз.

Количество адъективных предикатов при местоимении *Я* на протяжении последних двухсот лет росло, и с 1850-х гг. можно говорить о цикличности (см. рис. 1).

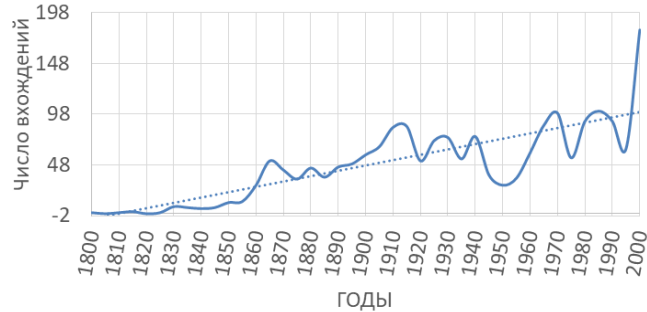

Рис. 1. Базовый график «Я + адъективный предикат».

Fig. 1. Basic graph of the self + adjective predicate.

Таким образом, мнение о развитии в последние 10-15 лет этой «не свойственной русскому языку» конструкции [Шамсутдинова, 2022, с. 198] ошибочно. Она существует около двухсот лет.

«Я плохой/хороший» в истории конструкции

На протяжении XIX в. определение «плохой» характеризовало конкретную сторону деятельности человека: «я плохой барышник, советник, оратор» и др. Обобщенная автохарактеристика *я плохой* (*ая*), не относящаяся к определенному типу деятельности и не сопровождающая существительное, появляется в XX веке. В НКРЯ дата первого упоминания — 1908¹.

Хотя общее количество (78 примеров) незначительно, оно показывает, что *плохой* может претендовать на включение в список топовых (в статье 2023 г. мы ограничились 2000 годом, поэтому *плохой* не вошел в этот список). Таким образом, адъектив *плохой* сделал «приличную карьеру», если учесть, что в XIX веке его не было. *Хороший* представлен 125 примерами.

Чтобы определить особенности каждой из построенных кривых, обратимся к рис. 2, на котором представлена динамика конструкций «Я + адъективный предикат» (пунктир), *Я + хороший* (черный) и *Я + плохой* (пунктир).

¹ В НКРЯ трижды приводится цитата из рассказа Андреева «Тьма» (1907): в критической статье В. В. Воровского (1908), мемуарах Р. В. Иванова-Разумника (1934–1944), дневниках Ю. М. Нагибина (1983), но сам рассказ в НКРЯ не включен, поэтому дата первого упоминания по НКРЯ — 1908, а не 1907-й. В этом рассказе Л. Андреева герой истерически мечется между автохарактеристикой «я хороший» и новым жизненным опытом (проститутка посвящает его в свои философско-этические взгляды). Заявление о своей «хорошести» герой подкрепляет фактами биографии: участие в террористической организации, борьба за счастье народа и др.

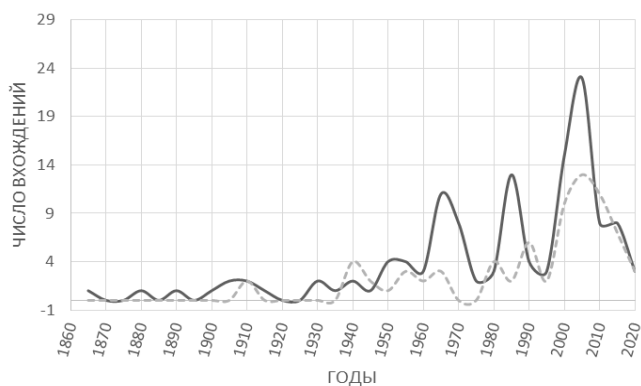

Рис. 2. Я хороший/плохой и тенденция роста конструкции.

Fig. 2. *Ya khoroshiy/plokhoy* ("I am good/bad") and the growth trend of the construct.

На рис. 2 видно, что динамика обоих вариантов наполнения фрейма представляет собой две сложных кривых, каждая из которых циклична, что наводит на мысль о связи между распространением конструкции «Я + адъективный предикат» и историческими событиями.

К началу десятых годов XX в. и до середины двадцатых обе кривые идут на спад. С середины 1920-х до середины 1930-х *Я плохой* остается стабильно низким, *Я хороший* — проходит фазу роста и падения. В середине 1930-х *Я плохой* растет быстрее, чем *Я хороший*, но их циклы совпадают. С середины 1950-х по середину 1960-х и затем с конца 1970-х до середины 1980-х также наблюдается противофаза (*Я плохой* падает, *Я хороший* — растет). Падение наблюдается до середины 1990-х гг.

Оценка «я-сферы» [Норман, 2017, с. 23] всегда неоднозначна и нестабильна, а анализ случаев типа «Я + *праздный, злой, простой*» осложняется тем, что наши общие соображения о положительной или отрицательной составляющей могут не иметь отношения к их употреблению в тексте. Даже ближайший контекст порой недостаточен: нужно знание главы, произведения или даже дискурса эпохи. Отнесение к «+» или «-» зачастую однозначно не определяется. Однако при такой цикличности интересно посмотреть, действительно ли можно говорить о положительной или отрицательной составляющей автохарактеристики.

Значение плохой/хороший

Все значения «плохой» в Словаре Ушакова и БАС («лишенный положительных качеств или свойств», «неудовлетворительный, не отвечающий предъявленным требованиям или ожиданиям, не такой, как следует», «не обладающий достаточным мастерством», «дурной в моральном отношении, вызывающий моральное осуждение») ¹ объединены

¹ Мы не рассматриваем в статье значение «тяжело больной, при смерти», более характерное для краткой формы (*я плох, она плоха*).

семантикой отсутствия (недостатка) чего-либо. Возникает вопрос: об отсутствии ЧЕГО именно идет речь? Значения прилагательного в словарях описываются через представление об определяемых объектах, из которых нас интересует в первую очередь человек. На основе идеального образа объекта можно вообразить список «отсутствующих» качеств. Например, словосочетание «плохой поэт» позволяет представить, что речь идет о недостатке поэтического мастерства, «плохой человек» предполагает нравственные недостатки, «плохая мать» — несоответствие общим стандартам поведения матери. Применительно же к Я понимание «отсутствия» ускользает, поскольку признаки идеального «Я», на основе отсутствия которых происходит оценивание, существуют лишь в сознании говорящего. Значение прилагательного *хороший* словари толкуют через понятия «положительный, удовлетворительный, достаточный, достойный»; их объединяет идея соответствия стереотипу. В конструкции Я *хороший* параметры этого «соответствия» воображаемой норме известны только говорящему.

Я плохой/хороший в НКРЯ

Анализируя материал, мы должны помнить, что имеем дело не с канонической речевой ситуацией. Есть целая группа примеров, показывающих, что Я *плохой/хороший* может вовсе не предполагать негативной или позитивной оценки говорящего. Необходимо различать Я говорящего и Я воображаемого (или имитируемого) говорящим. Это работает и для *хороший*, и для *плохой*. Характерное для философии и психологии абстрактное «Я» (1) и имитация чужой позиции, говорение от лица чужого «Я» (2) не предполагают самооценки говорящего.

(1) Здесь мы видим отражение двух аспектов Я ребенка: «Я — *плохой*» и «Я — *хороший*» [Савина, Колакоглу, 2004].

(2) Сейчас надо поразмыслить всерьез над полученным жизненным уроком, а не бить себя в грудь и не орать: «Ах, какой я *плохой!*» [Азаров, 2002].

К этой же группе относится и передача чужого мнения о себе (реальное мнение лица, передающего эту информацию, неизвестно) или провоцирование чужого оценочного суждения, как в (3) и (4).

(3) ... но каждому было точно известно: я — *плохая*, класс — ужасный [Рябцева, 1989].

(4) Скажите мне, что я *плохая* [Никулин, 1979].

К реальной автохарактеристике можно отнести демонстративное (иногда «истерическое») согласие с чужим мнением, отрицательная самооценка, за которой стоит претензия на положительную оценку. К таким примерам относятся случаи «чтения» мыслей наблюдателя субъектом, что означает его несогласие с полученной (а иногда лишь воображаемой им) оценкой, как в (5).

(5) То, что я глупости не даю делать — это значит, что я *плохая*, что не все разрешаю — тоже *плохая* [Сальников, 2018].

Это имплицитное оспаривание права считаться «хорошим» часто сопровождается конфликтогенной антитезой «я плохой — ты хороший», как в (6), (7), (8).

(6) Я — *плохая*, ты — хорошая, дальше что? [Шолохов, 1940].

(7) У нас все хорошие, одна я *плохая*... [Осеева, 1967].

(8) Они хорошие, я *плохой*. [Грачёв, 2013].

Отрицательная самооценка в демонстративных заявлениях, произносимых с целью получить индульгенцию или спровоцировать адресата на какие-то действия, является манипулятивным шагом и зачастую сопровождаются маркерами вероятности «может быть, допустим, предположим» или частицей «пусть», как в (9), (10), и элементами невербальной коммуникации (11). Пограничное положение между мнимоотрицательными и отрицательными автохарактеристиками занимают акты покаяния (11).

(9) Пусть я *плохой*, пусть я никуда не годный, пусть как журналиста объявляют меня кем угодно, но скажите им там, чтоб они не считали меня тем, чем я никогда не был» [Симонов, 1988].

(10) Может, я *плохой* стал, что ж, поищите другого [Гранин, 1954].

(11) Я знаю, я *плохая*, — говорила она, заглядывая в лицо матери [Осеева, 1967].

Фрейм «я *плохой*» может иметь импликатуру «Я хороший, потому что умею признать свою несостоятельность». [Ратмайр, 2001]. Опережение «суда людского» всегда работает на повышение ранга человека, но это обычно не распространяется на дневниковые записи.

Я плохой

Примеры собственно отрицательной самооценки демонстрируют глубокие переживания, спровоцированные неудачами, потерями, несчастьями, ощущением разрыва связей с социумом:

(12) Я. Кто я? А кто я вообще такой? <...> Единственное, я знаю, что внушаю вам отвращение, ненавижу вас, я — *плохой* и буду *плохим*, плевал я на ваше общество... <...> Какое отношение все это имеет ко мне? Ах, да, конечно, я — *плохой* и системы защиты поломались во мне, какие-то страшные идеи захватили меня, я не могу от них убежать, я могу либо сказать вслед за Лотреамоном — я *плохой* и буду *плохим*... [Рогачков, 1997].

(13) Я размышляю, какой я *плохой*. Но тут же приходит в голову мысль, что раз я это понял, значит, я *хороший*. Но если я считаю себя хорошим, то, значит, я *плохой*. Но тогда я *хороший* — и так далее. Какую замечательную бесконечную лестницу я выстроил, хвалю я себя. Какой я *плохой*, что себя хвалю [Успенский, 2007].

(14) Ведь я *плохой*, злой и старый, с тяжелым характером [Герштейн, 1998].

Именно обстоятельства такого рода заставляют человека осознать свое «несоответствие» внешнему миру, заявить о собственном несовершенстве. Контекст позволяет распознать ситуацию взаимодействия говорящего с обществом.

Подразумеваемые параметры (интеллектуальные, профессиональные, моральные качества, бытовые и социальные привычки, физические данные) оцениваются говорящим с точки зрения *отсутствия/наличия* соответствия ожиданиям социума. Однако если речь идет о глубоких личных переживаниях, подразумеваемое остается неизвестным.

Я хороший

Наполнение фрейма прилагательным «хороший» началось с 1860-х гг. (насчитывается 125 примеров). Причина преобладания «хорошего» над «плохим» во фрейме может заключаться в том, что «Я-концепция» заставляет человека искать обоснование для положительной самооценки. Главным ориентиром тут является поступок, совершенный в социуме, как в (15–19).

(15) А что же происходит внутри человека? Мне кажется, что я — *хороший*. Но, оказывается, я хорош до тех пор, пока меня не тронули как следует [Осипов, 2004].

(16) Все это не потому, что я *хорошая*, а потому, что *плохая*. Во мне страшного Божьего греха — гордыни — великое количество! [Щербакова, 1999].

(17) Я ничего не сделал. Я *хороший*. Я полезен обществу. Я больше не буду... [Рубанов, 2005].

(18) «Я напуган, значит, я *хороший* = мамочка меня любит». Ну, пресловутая «мамочка» — это ж наша Родина-мать... [Бавильский, Манцов, 2011].

(19) Творцу, любому художнику, очень легко попасться в сети, сказать, что если я вчера сделал что-то, что помогло людям, то сегодня — я *хороший* [Клейн, 2002].

Декларация «Я хороший» возможна как в ироническом (22), так и в трагическом (23) контексте.

(22) Ну, иногда поддам в присутствии дам — имбирную, агдам. А так я *хороший* [Ерофеев, 1995].

(23) Он бросался в окна вагона и жалостливо кричал невидимым преследователям: — Не трогайте меня, не трогайте!.. Я *хороший*, я *хороший*... Спросите маму, я *хороший*! [митрополит Вениамин, 1994].

Положительная автохарактеристика возникает в ситуациях, связанных с глубокими личными переживаниями, или при трагических обстоятельствах. Параметры соответствия/несоответствия определенным стереотипам в этих случаях закрыты для стороннего наблюдателя, но говорящий сохраняет за собой позицию самонаблюдателя. Попытки оценить свои действия осложняются существующим в обществе стереотипом отношения к самооценке, запечатленным в (24):

(24) Если Витя скажет «я хороший», значит, он подлец, если ответит «я *плохой*» — гадкий лицемер [Розов, 2000].

Заключение

Обе рассмотренные конструкции появились в истории использования фрейма относительно поздно. Адъективы *хороший/плохой* обозначают мнимо (или реально) положительную/отрицательную оценку своего «Я», которая может использоваться в манипулятивных целях.

Самоидентификация и самопрезентация опираются на факт наличия или отсутствия качеств, зачастую закрытых для понимания стороннего наблюдателя. Оценивая себя

с помощью характеристики «хороший/плохой», человек вписывает свой жизненный опыт в собственную систему представлений о «наличии» и «отсутствии» соответствия своим или чужим ожиданиям, использует собственные способы интерпретации реалий.

Характеризуя себя определенным образом, говорящий тем самым заявляет о пределах дозволенного по отношению к себе и о желании быть включенным в некую социальную группу. Исследователи [Shoemaker, 1963; Хесле, 1994; Павленко, Корж, 1998; Olson, 2019; Парфит, 2019; Лю, Маркасова, 2021] неоднократно обращали внимание на связь между интенсификацией поисков идентичности, политическим и историческим контекстом. В периоды всплесков социального оптимизма и активности фрейм «Я + адъективный предикат» активизируется, поскольку обостряется потребность человека в обретении «своей» группы.

Возвращаясь к началу статьи, отметим, что все рассмотренные примеры зафиксированы в письменных текстах, то есть относятся к неканоническим речевым ситуациям. Может показаться, что в этом случае незачем было связывать эту тему с проблемой ограничений на предикат при местоимении Я. Однако обратим внимание на то, что а) язык литературы существует как отражение общих тенденций, существующих в обществе; б) литература оказывает влияние на речевое поведение. На этом основании можно говорить, что на протяжении описанного периода начинается подтачивание тех ограничений, которые были отмечены учеными в середине 1980-х годов. Современный русский язык повседневного общения вполне допускает снятие этих ограничений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Азаров, Ю. 2002. Подозреваемый. М.: Вагриус. 480 с.
- Апресян Ю. Д. 1992. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М.: Наука. С. 45–64.
- Бавильский Д., Манцов И. 2011. Инте-инте-интерес, выходи на букву «с» // Частный корреспондент.
- Виноградов В. В. 1999. История слов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 1142 с.
- Вольф Е. М. 1985. Функциональная семантика оценки. М.: Наука. 280 с.
- Вольф Е. М. 1986. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. № 5. С. 98–106.
- Герштейн Э. 1998. Мемуары. СПб.: Инапресс. 537 с.
- Гранин Д. А. 1954. Искатели // Звезда. № 8. С. 7–119.
- Грачёв Р. 2013. Молодость // Письмо заложнику / Р. Грачёв. СПб.: Издательство журнала «Звезда». С. 152–158.
- Ерофеев В. 1995. Из записных книжек // Оставьте мою душу в покое (почти всё) / В. Ерофеев. М.: Х.Г.С. С. 282–402.
- Золян С. Т. 2023. Местоимение «я»: механизм само- и ино-описания // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова. № 2. С. 26–39.

- Иванова Н. Л. 2004. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Психологический журнал. Т. 25. № 1. С. 52–60.
- Клейн А. 2002. Борис Гребенщиков: Рамакришна — один, а нас — миллионы!.. // Пятое измерение. № 0.
- Кон И. С. 1984. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат. 335 с.
- Лю Г., Маркасова Е. В. 2021. Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. Т. 8. № 4. С. 701–716.
- Маркасова Е. В. 2023. «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «Я» // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 82. С. 103–117.
- Митрополит Вениамин (Федченков). 1994. На рубеже двух эпох: воспоминания. М.: Отчий дом. 446 с.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Никулин Ю. В. 1979. Почти серьезно... М.: Молодая гвардия. 575 с.
- Норман Б. Ю. 2017. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург — Москва: Кабинетный ученый. 464 С.
- Осеева В. А. 1967. Динка. М.: Детская литература. 592 с.
- Осипов А. И. 2004. Антирелигиозная религия: размышления богослова // Фома. № 2.
- Павленко В. Н., Корж Н. Н. 1998. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. Т. 19. № 1. С. 75–89.
- Падучева Е. В. 1985. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука. 272 с.
- Падучева Е. В., Зализняк Анна А. 1982. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris: Сб. статей к 60-летию профессора Ю. М. Лотмана*. Таллин: Ээсти раамат. С. 142–148.
- Парфит Д. 2019. Тожество личности / перевод с англ. Р. А. Кочнева // Омский научный вестник. ОИС. № 2. С. 95–104.
- Ратмайр Р. 2003. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры.
- Рогачков Д. 1997. История одного кризиса // «Знание — сила». № 8.
- Розов В. 2000. Удивление перед жизнью. М.: Вагриус. 492 с.
- Рубанов А. 2005. Сажайте, и вырастет! М.: ТРИЭРС. 422 с.
- Рябцева С. А. 1989. Дети восьмидесятых: дневник учителя. М.: Педагогика. 240 с.
- Савина Е. А., Колакоглуу К. 2004. Проективный сказочный тест и его возможности в исследовании личности ребенка // Вопросы психологии. № 6. С. 34–43.
- Сальников А. Б. 2018. Петровы в grippe и вокруг него. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 416 с.
- Симонов К. М. 1988. Глазами человека моего поколения. М.: Издательство Агентства печати «Новости». 480 с.
- Успенский В. А. 2007. Апология математики, или О математике как части духовной культуры // Новый мир. № 12.
- Хёсле В. 1994. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. № 10. С. 112–123.

- Шамсутдинова Р. Р. 2022. Субстантивация местоимений: отражение меняющихся ценностных установок в современной речи // *Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.)*. М., Ярославль: Издательство «Канцлер». С. 195–205.
- Шолохов М. А. 1940. Тихий Дон. Книга IV // Роман-газета. № 4.
- Щербакowa Г. Н. 1999. Косточка авокадо. Курган: Зауралье. 512 с.
- Olson E. T. 2019. Personal Identity // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. N. Zalta*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (дата обращения: 09.07.2020)
- Shoemaker S. 1963. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca. Cornell University Press. 276 p.

References

- Azarov, Yu. (2002). *The Suspect*. Vagrius. [In Russian]
- Apresyan, Yu. D. (1992). Connotations as part of word pragmatics (lexicographic aspect). In *Russian language. The problem of grammatical semantics and evaluative factors in language*. Nauka. [In Russian]
- Bavil'skiy, D., & Mantsov I. (2011). 'Inte-inte-interes, vykhodi na bukvu „s“'. *Chastnyy correspondent*. [In Russian]
- Vinogradov, V. V. (1999). *History of Words*. Russian Language Institute Publishing. [In Russian]
- Vol'f, E. M. (1985). *The functional semantics of evaluation*. Nauka. [In Russian]
- Vol'f, E. M. (1986). Evaluative value and good/bad attribute ratio. *Topics in the study of language*, (5), 98–106. [In Russian]
- Gershteyn, E. (1998). *Memoirs*. Inapress. [In Russian]
- Granin, D. (1954). Those Who Seek. *Zvezda*, (8), 7–119. [In Russian]
- Grachev, R. (2013). Youth. In R. Grachev. *Letter to the hostage* (pp. 152–158). Zvezda Magazine Publishing. [In Russian]
- Erofeev, B. (1995). From notebooks. In B. Erofeev. *Leave my soul alone (almost everything)* (pp. 282–402). H.G.S. [In Russian]
- Zolyan, S. T. (2023). Pronoun I: the mechanism of description of self and other. *V. V. Vinogradov RLI RAS Works*, (2), 26–39. [In Russian]
- Ivanova, N. L. (2004). Social identity in different sociocultural conditions. *Psikhologicheskii zhurnal*, 25(1), 52–60. [In Russian]
- Kleyn, A. (2002). 'Boris Grebenshchikov: Ramakrishna — odin, a nas — milliony!.. *Pyatoe izmerenie*, 0. [In Russian]
- Kon, I. S. (1984). *In Search of Self: Personality and its Self-Consciousness*. Politizdat. [In Russian]
- Liu, G., & Markasova, E. B. (2021). I am I (identity and communication). *Kommunikativnye issledovaniya*, 8(4), 701–716. [In Russian]
- Markasova, E. V. (2023). "I am unhappy, but alive": adjectival predicate with the pronoun "I". *Tomsk State University Journal. Philology*, (82), 103–117. [In Russian]
- Metropolitan Veniamin (Fedchenkov). (1994). *At the Turn of Two Epochs: Memoirs*. Otchiy dom. [In Russian]

- Russian National Corpus (RNC). (n.d.). <https://ruscorpora.ru>
- Nikulin, Yu. V. (1979). *Almost Serious...* Molodaya gvardiya. [In Russian]
- Norman, B. Yu. (2017). *Pragmatic potential of Russian lexicon and grammar*. Kabinetnyy uchenyy. [In Russian]
- Oseeva, V. A. (1967). *'Dinka'*. Detskaya literatura. [In Russian]
- Osipov, A. I. (2004). Antireligious Religion: Reflections of a Theologian. *Foma*, (2). [In Russian]
- Pavlenko, V. N., & Korzh, N. N. (1998). Transformation of social identity in post-totalitarian society. *Psikhologicheskii zhurnal*, 19(1), 75–89. [In Russian]
- Paducheva, E. V. (1985). *Expression and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns*. Nauka. [In Russian]
- Paducheva, E. V., & Zaliznyak, Anna A. (1982). Semantic phenomena in 1st person statements. *Finitis duodecim lustris: Collection of articles for the 60th anniversary of Prof. Yu. M. Lotman*. Eesti raamat. [In Russian]
- Parfit D. (2019). Personal Identity (R. L. Kochneva, Trans.). *Omskiy nauchnyy vestnik. OIS*, (2). 95–104. [In Russian]
- Rathmayr, R. (2003). *Pragmatics of apology: a comparative study on the material of Russian language and Russian culture*. Yazyki slavyanskoy kul'tury. [In Russian]
- Rogachkov, D. (1997). History of one crisis. *"Znanie — sila"*, (8). [In Russian]
- Rozov, V. (2000). *Surprise before life*. Vagrius. [In Russian]
- Rubanov, A. (2005). *Plant, and it shall grow!* TRIERS. [In Russian]
- Ryabtseva, S. L. (1989). *Children of the eighties: teacher's diary*. Pedagogika. [In Russian]
- Savina, E. A., & Kolakoglou, K. 2004. Projective fairy tale test and its possibilities in the study of the child's personality. *Voprosy Psichologii*, (6), 34–43. [In Russian]
- Sal'nikov A. B. (2018). *Petrovs in and around the Flu*. AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. [In Russian]
- Simonov K. M. (1988). *Through the eyes of a man of my generation*. Publishing House of the Novosti Press Agency. [In Russian]
- Uspenskiy, V. A. (2007). Apologia Mathematica, or About mathematics as a part of spiritual culture. *Novyy mir*, (12). [In Russian]
- Hösle V. (1994). Crisis of individual and collective identity. *Voprosy filosofii*, (10), 112–123. [In Russian]
- Shamsutdinova, R. R. (2022). Substantiation of pronouns: reflection of changing value attitudes in modern speech. In M. S. Milovanova (ed.). *General and Russian linguoaxiology: Collective monograph* (pp. 195–205). Izdatel'stvo "Kantsler". [In Russian]
- Sholokhov, M. A. (1940). Quiet Don. Book IV. *Novel-Gazette*, (4). [In Russian]
- Shcherbakova, G. N. (1999). *Avocado seed*. Zaural'e. [In Russian]
- Olson, E. T. (2019). Personal Identity. In N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved Jul. 9, 2020 from <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal>
- Shoemaker, S. (1963). *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca. Cornell University Press.

Адъективный предикат «плохой/хороший»...

Информация об авторе

Елена Валерьевна Маркасова, доктор филологических наук, доцент, Пекинский университет,
Пекин, КНР
markasovaelena@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>

Information about the author

Elena V. Markasova, Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor, Peking University, Beijing, PRC
markasovaelena@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>